

Makhmutova E.R. Dreams in the book of I.A. Bunin «Life of Arsenyev».

The article considers the dream from the point of view of the most important category for understanding the artistic world of I.A. Bunin. The dreams of the hero are analyzed in the book «The Life of Arsenyev» in connection with the key problematic aspects of the author's work.

Keywords: I.A. Bunin, dream, memory, life, image, symbol.

А.И. Жарова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Н.В. Пращерук

Мир православия в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Аннотация: *В статье предпринимается попытка проследить, как меняется и преобразуется религиозное чувство главного героя в книге «Жизнь Арсеньева». Рассматриваются наиболее знаковые эпизоды в произведении, которые содержат описание восприятия православной веры героем, его чувств и переживаний, связанных с тем или иным переломным моментом в жизни. Делается акцент на сценах, содержание которых свидетельствует о духовном состоянии героя на том или ином жизненном этапе*

Ключевые слова: *религиозное чувство, прелесть, мир православия, Арсеньев, вера*

*Я уже твёрдо знаю теперь, что
прекрасней и выше всего этого
нет и не может быть ничего на
земле*

И.А. Бунин

Вынесенные в качестве эпиграфа строки, по нашему мнению, гармонично соотносятся с темой статьи. Для писателя мир и соединение с ним, взаимопроникновение было естественным бытием, его мироощущение вбирало в себя всё, что воспринимали органы чувств, в том числе и православие, особенно обрядовую его сторону. Доминирует в общении с миром у Бунина-художника, как нам кажется, зрение. Вот как пишет об этом Ф.А. Степун: «У Бунина же зрение предельно обострено; ему отпущены не только орлиные глаза для дня, но и совиные для ночи. Поистине он все видит» [Степун 1962: 92]. А суждение об обрядовости мы основываем на высказывании Ю. Мальцева: «Христианство всегда привлекало Бунина своей обрядовой вещественной стороной, красотой и древностью – материализованной поэзией и воплощенной традицией» [Мальцев 1994: 32]. Здесь же отметим, что вопрос о христианском/православном векторе религиозности Бунина-художника до сих пор можно считать дискуссионным. Эта проблема вызывала интерес у таких ученых, как Ф.А. Степун, И.А. Ильин, Г. Адамович, К. Зайцев, М.М. Дунаев, П. Бицилли, О.А. Бердникова, Т.А. Кошемчук, Н.В. Пращерук и др.

Нам представляет важным, как решается эта проблема в главной книге писателя, максимально воплотившей его духовные искания. Обратимся непосредственно к тексту и к фигуре Алёши Арсеньева, глазами которого мы наблюдаем, в каком мире он живет.

Для начала будет интересно рассмотреть, каким образом происходит развитие религиозного чувства у героя романа с детских лет до периода молодости.

Первое впечатление от встречи с Богом у героя, как мы помним, связано с восприятием смерти «Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери)»

[Бунин 1965-1967: 26]³⁵. Сам герой с сожалением рассуждает о нераздельности Предвечного Бога и смерти, но в этом же отрывке Арсеньев говорит о другом синтезе, светлом и с надеждой: «Соединено с Ним было и бессмертие. Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли» [Там же]. В детстве, в условиях деревенской жизни юный Алёша имел удивительную возможность существовать неразрывно с православием, и, в первую очередь, это связано с его матерью, с её твердой верой и сокрушенным сердцем «И не раз видел я с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами...» [28]. Этот образ остался с героем навсегда.

Юный Алёша тяжело переживал смерти, которые одна за одной настигали семью Арсеньевых, особенно его поразила и «лишила чувства жизни» кончина младшей сестры – Нади: «моя уstraшенная и как будто чем-то глубоко опозоренная, оскорбленная душа устремилась за помощью, за спасеньем к Богу. Вскоре все мои помыслы и чувства перешли в одно – в тайную мольбу к Нему» [42]. Пожалуй, этот период горячей детской молитвы будет единственным в жизни героя. Помимо неё герой также совершал особое правило – чтение духовной литературы «стал жадно, без конца читать копеечные жития святых и мучеников, которые стал привозить мне из города сапожник Павел из Выселок» [Там же]. Особая чувствительность мальчика, его жажда разрешиться от боли утраты выразилась в конечном итоге, к сожалению, не в стяжании мирного духа, а в обычном «душевном восторге» и в прелести – опасном духовном недуге: «отрешился от жизни дома, замкнулся в своем сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданий, самоизнурения, самоистязания. Я пламенно надеялся быть некогда сопричисленным к лику мучеников и выстаивал целые часы на коленях, тайком заходя в пустые комнаты, связывал себе из веревочных обрывков нечто вроде власяницы, пил только воду, ел только черный хлеб» [43]. Поясним, что такое прелесть духовная и в чем она проявляется. «Прелесть – заблуждение, прельщение, обман» [Дьяченко 2000: 486]. Довольно точно о состоянии нашего героя пишут святые отцы и богословы: «Горькая участь уклониться в самообольщение и прельщение злыми духами предлежит тем, кто мечтает достигнуть высоких молитвенных состояний, имея при этом ревность не истинную, а плотскую, душевную. Неправильное упражнение молитвою неразлучно с самообольщением, из которого и произрастает бесовская прелесть» [Архимандрит Лазарь 2000: 343]. Собственно, у Алёши Арсеньева молитвенное рвение не было продиктовано духовной жаждой, он не был намерен исправить себя, принести покаяние, хотя сложно говорить о состоянии покаяния у ребенка, но, тем не менее, намерения меняться к лучшему не было, скорее, было желание получать удовольствие от «самоистязания». К тому же, подобное состояние у героя продолжалось недолго (это уже, к счастью), потому что всё вышеперечисленное впечатлительный ребенок делал формально. Поэтому и такое «подвижничество» продолжалось всего несколько месяцев «И длилось это всю зиму. А к весне стало понемногу отходить – как-то само собой» [43].

Одновременно с этим переломом в душевной жизни героя происходит личностный перелом, и наступает новый этап: «Просто Алеши не стало, – теперь был Арсеньев Алексей, ученик первого класса такой-то мужской гимназии» [Там же]. Пребывание в гимназии будет связано с одним знаменательным моментом, по нашему мнению, который и открывает мир православия в романе. Но прежде обратим внимание на чрезвычайно значимый образ: он словно соединяет все периоды жизни нашего героя, а также указывает на связь Алексея с православием, на укорененность его рода в нем – это икона Святой Троицы, которая передавалась по материнской линии детям. Об этом трогательном факте читатель узнает уже в конце романа, когда молодой мужчина «привычно» крестится на этот образ каждый день, припоминая материнское благословение ему на жизнь. Если учитывать, что у Арсеньева в

³⁵ Здесь и далее тексты Бунина цитируются по изданию: Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1965-1967, страницы будут указываться в квадратных скобках.

период взросления менялась точка зрения в религиозном вопросе: горячая, сердечная вера перемежалась временно с формальной, восторг от обрядовости превалировал над стяжанием мирного духа, иногда, под влиянием Глебочки и его приятелей-атеистов, возникали в уме сомнения в существовании Бога, то особенно примечателен тот факт, что герой не расстается с дорогой иконой во все периоды своей жизни.

Такое трепетное отношение к образу, передаваемому по наследству, крепко соединяет нашего героя не только с его пращурами, но и с историей всего Отечества, с миром именно русского православия. Его насыщенное и целостное изображение мы находим в главе, где Арсеньев с гимназистами находится на Всенощном бдении в церкви Воздвижения Креста Господня «Нет, это неправда – то, что говорил я о готических соборах, об органах: никогда не плакал я в этих соборах так, как в церковке Воздвиженья в эти темные и глухие вечера, проводив отца с матерью и войдя истинно как в отчую обитель под ее низкие своды» [72]. Встречи с Богом, однако, не происходит, соединения с Ним тем более (если учитывать, что герой присутствует на Всенощном бдении, а не на Божественной Литургии). Переживания в храме опять же носят душевный характер, герой не молится, он как бы отделяет происходящее, пение клироса от себя, от своего сердца, находится в позиции наблюдателя. Но Арсеньев при этом не впадает в прелесть, его чувства искренни и исходят из сердца. Следующий отрывок яркий пример тому «Как все это волнует меня! Я еще мальчик, подросток, но ведь я родился с чувством всего этого, а за последние годы уже столько раз испытал это ожиданье, эту предвещающую службу напряженную тишину, столько раз слушал эти возгласы и непременно за ними следующее, их покрывающее «аминь», что все это стало как бы частью моей души, и она, теперь уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, с вящей родственной готовностью. «Слава святей, единосущней» – слышу я знакомый милый голос, слабо долетающий из алтаря, и по всему моему телу проходит сладостный трепет, и уже всю службу стою я потом, как зачарованный» [Там же].

Через некоторое время герой бросает обучение в гимназии и начинается следующий этап жизни Арсеньева – юность и переезд в Батурино. В этот период жизни героя можно выделить, по нашему мнению, два знаменательных события, напрямую связанные с духовной проблематикой – смерть Писарева и связь с Тоней.

Ситуация кончины человека переживается Арсеньевым крайне чутко, настолько, что впечатления не вместились в границы одной главы. Кульминация чувств приходится на сцену отпевания и похорон Писарева. Автор детально прописывает всё происходящее, всю обрядовую сторону и, конечно, ощущения героя: «Воздавая ему «последнее целование», я коснулся венчика губами – и, Боже, каким холодом и смрадом пахнуло на меня и как потрясла меня своей ледяной твердостью темно-лимонная кость лба под этим венчиком» [103]! Юный Арсеньев ещё глубже задумывается о смерти, о том, что ждет христианина после кончины, мысли о собственном конце герой не принимает вовсе: «даже пытался уверить себя, что ведь будет в некий срок и со мной то же самое... Но веры в это не было ни малейшей» [104]. С такими чувствами герой вступает в «совершеннолетнюю жизнь», как он сам свидетельствует, и через некоторое время наступает ещё один перелом, точнее будет сказать – надлом.

Связь с замужней молодой женщиной оценивалась самим героем сложно: с одной стороны, он понимал, что совершил грех, и продолжает совершать, не покаявшись. Описанные ощущения героя являются наглядной картиной того, как может измениться человек после грехопадения. Автор выбирает следующие слова для характеристики состояния Алексея: «настоящее помешательство», «ужасное время», «жесточайшая ревность», «с видом человека, неожиданно совершившего убийство», «страшная, непоправимая катастрофа», «смертельная тоска, чувство чего-то ужасного, преступного и постыдного, внезапно погубившего меня». С другой стороны, произошедшее тешило его проснувшееся мужское самолюбие, которое торжествовало. Интересно, что, подсознательно оценивая своё состояние, как «ужасное», герой разговор с братом и расчет Тони

воспринимает как спасение от Бога. Приведенный пример вряд ли можно расценивать сугубо в христианском ключе, но нам было важно отметить, как меняется духовное состояние Арсеньева после совершенного греха.

Через некоторое время решимость покинуть Батурино только укрепляется в Алексее и получает своё разрешение с пришедшим письмом брата Георгия. Поездка к брату, путешествия, Орёл, знакомство с Ликой – всё это очаровывает героя, влияет на его мироощущение, и, надо отметить, описаний религиозного чувства становится всё меньше. Однако, как раз в этот период цветущей молодости, мы узнаем о той родовой иконке Святой Троицы, а также о иконе Пресвятой Богородицы, которая появляется в главе, где разрыв с Ликой окончателен, где герой мучается воспоминаниями: «Я лежу и смотрю в передний угол – в его треугольнике висит старая икона, на которую она молилась перед сном: и на этом лаково-красном поле образ Богоматери в золотом одеянии, строгой и скорбной, – большие, черные, запредельные глаза в темном ободке. Страшный ободок! И страшное, кошунственное соединение в мыслях: Богоматерь – и она, этот образ – и все то женское, что разбросала она тут в безумной торопливости бегства» [283]. Символично, что возникает образ именно Пресвятой Богородицы «в этом угадывается его (*героя*) коренная, глубинная связь с православной традицией, для которой характерно особое почитание Божьей Матери» [Пращерук 2012: 210].

Очевидно, что тема православной религиозности не становится доминирующей в главной книге Бунина, но она особенно важна как достраивающая жизнеописание героя духовным вектором.

Литература

(Абашидзе) Л. Грех и покаяние последних времен. О тайных недугах души. Москва : Сретенский монастырь, 2000. С. 343.

Бердникова О.А. Духовные проблемы русской литературы XX века. Учебное пособие. Ч.1. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. 151 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. Москва, 1965-1967.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. Москва : Отчий дом, 2000. С. 486.

Мальцев Ю.В. Бунин: 1870-1953. Москва : Посев, 1994. 225 с.

Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина как художественно-философский феномен. Учебно-методическое пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 232 с.

Степун Ф.А. Иван Бунин. Встречи. Мюнхен : Товарищество зарубежных писателей, 1962. С. 92.

Zharova A.I. The world of Orthodoxy in the novel by I.A. Bunin «Life of Arsenyev».

The article attempts to trace how the protagonist's religious feeling is changing and transformed in the book The Life of Arsenyev. We consider the most significant episodes in the work, which contain a description of the perception of the Orthodox faith by the hero, his feelings and experiences associated with one or another turning point in life. Emphasis is placed on the scenes, the content of which indicates the spiritual state of the hero at one or another life stage.

Keywords: religious feeling, beauty, the world of Orthodoxy, Arsenyev, faith

С.Н. Бахтина,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Н.В. Пращерук

Образ лошади и его символическое содержание в творчестве И. Бунина

Аннотация: На примерах различных прозаических произведений И.А. Бунина рассматривается роль образа лошади в мифопоэтической и символической сфере художественного мира писателя. Прослеживается интерпретация автором мифологических образов лошади/коня в русской национальной культуре и ее сочетание с